



Кирилл Ликов

Надежда

вертепские истории

Кирилл Ликов

Надежда

Серия «Вертепские истории», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70165600

SelfPub; 2023

Аннотация

Этого старика Иван видел ещё в детстве. В очень далеком детстве. Он жил тогда в квартире родителей, недалеко от Вокзальной площади и они часто тут играли. Ваня рос, а старик сидел на своей скамейке. Иван вырос, ушел в армию, вернулся, а старик все так же сидел на скамейке. Парень уехал учиться в другой город, а старик так же сидел на скамейке. Иван приезжал домой каждые каникулы, но не обращал на сидевшего, на скамейке, старика никакого внимания. А зачем? Он что-то типа достопримечательности Вертепска. «Вертепские истории» – это цикл философских сказок для взрослых, где фантазия переплетается с реальностью, а магия – с повседневностью. Рассказы цикла повествуют о жизни города Вертепск и его обитателях. За внешней фантастикой скрывается подтекст, а магия и чудеса становятся метафорой наших страхов, надежд и повседневных реалий.

Кирилл Ликов

Надежда

Этого старика Иван видел ещё в детстве. В очень далеком детстве. Он жил тогда в квартире родителей, недалеко от Вокзальной площади и они часто тут играли. Детство время любопытства и исследований. Изучил Ваня годам к двенадцати свой двор и соседние, мальчишки выбирают обычно за эту территорию в попытке исследовать город вокруг. Каждый подросток верит в свою исключительность и тешит себя надеждою, что именно он откроет в этом мире что-то ещё до него не открытое. И побывает там, где ещё наступала нога человека, пусть это будет хотя бы соседская крыша или подвал ближайшей многоэтажки. В те времена не было смартфонов, планшетов и даже компьютеры были только огромные, объемом с громадную комнату, а результаты выдавали на перфорированных листах. В свободное от школы и домашнего задания время дети не могли сидеть часами в выдуманных мирах, поэтому создавали их сами, в играх на свежем воздухе. Старик всегда сидел на лавочке, на Вокзальной площади, и наблюдал за людьми. Он приходил сюда ранним утром и уходил ближе к полночи. Его видели все, знали все, никого не интересовало, почему он так живёт.

— А что? Ну, пенсионер, живет, как хочет, дайте спокойно человеку провести свою старость и встретить свой конец.

Ваня рос, а старик сидел на своей скамейке. Иван вырос, ушел в армию, вернулся, а старик все так же сидел на скамейке. Парень уехал учиться в другой город, а старик так же сидел на скамейке. Иван приезжал домой каждые каникулы, но не обращал на сидевшего, на скамейке, старика никакого внимания. А зачем? Он что-то типа достопримечательности Вертепска, в общем, и этого района в частности. Потом он уехал работать в другой город и домой смог попасть только сейчас, через пять лет. Вертепск такой город, в котором нужно жить постоянно. Тут происходит очень много странных событий и можно тёмной ночью увидеть разную дичь, но пока ты тут живешь, это воспринимается как совершенно само собой разумеющееся. Кто-то увидел приведение? Это бывает. Пришёл в праздник на кладбище ночью, а там скелеты празднуют? Ну, что не примерещится ночью на кладбище? У человека умершего от остановки сердца нашли пару страных дырочек на шее прямо над аортой? Ну, вдруг чем-то укололся на днях. И стоит уехать из этого городка и пожить в обычном поселении, особенно мегаполисе, пару лет, а лучше сразу пяток, как по возвращению вам в Вертепск сразу будет неуютно, и даже немножечко страшно. Но это пройдет по мере привыкания.

Вот и Иван слишком долго не был дома, и старик его ошеломил. Он вышел из вокзала и сразу взглядом напоролся на него. Нет, он не остановился, а проследовал домой, как и рассчитывал, но что-то тревожное стукнулось изнутри. Встре-

тился с родителями, сбегал в магазин за тортиком и вином, и даже посидел с ними на кухне. Но старик не выходил из головы. Он обнимает мать и отца, а в голове старик сидел на скамейке. Он выбирает торт и просит продавца рассказать о вине, а упрямый старик все ни как не выходит из головы. И даже проводя вечер в кругу семьи, он периодически ловил себя на мысли об этом странном старике. И под конец вечера он не выдержал этого разделения личности. Его ещё с детства учили, что неизвестность рождает домыслы и мифы, а хочешь что-то узнать – встань с кровати, и найди объяснение.

– Мам, я пройдуся.

– На ночь глядя? – всплеснула руками мать.

– Да хочу пройтись по любимому району, вспомнить детства, подышать родным воздухом.

– Ночью? – не унималась мама.

– Ну, что-то захотелось....

– Да пусть идет, – махнул рукой отец, перещелкивая на пульте каналы, – не порвут же его оборотни.

– Оборотни, может, и нет, но... – пыталась отстаивать свою позицию мать.

– С привидениями он как-нибудь справиться, – добил отец, – уже большой лоб, и мужику прохожего может морду начистить.

Иван быстро оделся и выбежал на улицу с криком: Я ненадолго!

Старика он нашел там же где и всегда. На Вокзальной площади тот сидел посередине скамейки. И справа и слева были места для других, но никто не пользовался этой возможностью.

– Разрешите? – спросил он у старика, указывая на место рядом с ним.

– Да? – старик внимательно посмотрел на него, видимо не понимая, что от него хотят.

– Присесть можно? – перефразировал вопрос Иван.

– Конечно, садитесь, – кивнул старик, даже чуточку отодвинулся в сторону.

– Спасибо, – присаживаясь на край лавочки, произнёс парень.

Они просидели молча около пары минут и Иван не выдержал.

– Простите, – он обратился к старику, – можно я вам задам несколько вопросов?

– Извольте, – спокойно ответил старик, не поворачивая голову и смотря прямо перед собой.

– Я вас помню с самого детства, вы всегда тут сидите.

– Так и есть.

– Сколько вам лет?

– Я не смогу ответить вам честно на этот вопрос, молодой человек, – вздохнул старик, – ещё лет пятьдесят назад я бы легко посчитал и раскрыл вам сию тайну, но в последнее время память подводит. Какой сегодня год?

– По имперскому или основному летоисчислению?

– Давайте по имперскому, оно как-то ближе.

– Семь тысяч пятьсот тридцать второй.

– Вот, а я родился в семь тысяч триста шестьдесят девя-

том.

– Ух ты, – присвистнул Иван, произведя в уме не хитрые подсчёты, – это сто шестьдесят три года получается.

– Получается, что так... – кивнул старик.

– Вы призрак? – напрямую спросил Ваня.

– Похож? – слегка, одними уголком губ усмехнулся старик, видимо вопрос его чуть рассмешил. – Может потрогать.

Иван не преминул предложением и еле-еле, но ткнул пальцем в собеседника.

– Ну, как? – последовал вопрос. – Похож на призрака? А на приведение?

– Да вроде нет.

– На принадлежность, к другим мифическим существам вы меня хотите проверить?

– Скорее да, чем нет, – честно признался Ваня.

– И позвольте спросить, какие к этому есть основания?

– Вы понимаете, я видел вас ещё в детстве, вы тогда уже сидели здесь, а обычному человеку так долго жить невозможно.

– Обычному, да, – согласился старик, – но я уже давно необычен, спросите у своего папы, он вам расскажет, что тоже видел меня сидящим тут с самого его детства.

– И вы хотите сказать, что вы не приведение, не призрак и даже не вампир?

– Хочу, – кивнул старик, – и даже могу, но слова ничего не изменят.

Ветер гонял по площади листву и обрывки газет, а ещё мусор, тот самый мусор, который свиньи в человеческом обличье так и не донесли до урн, поставленных тут у каждой лавочки.

– Почему вы так долго живете и почему сидите тут каждый день?

– Это очень старая и очень скучная история молодой человек, вы готовы её слушать?

Иван кивнул.

Это было давно, сто двадцать три года тому назад. Уважаемый всеми, хорошо зарабатывающий, перспективный стоматолог Илья Иосифович Можейко лежал на кровати и держался за живот. Живот скручивало и резало. Не то, что бы прямо как ножом, нет, боль была тупая и нудная, но длилась уже второй час и успела надоесть до колик. Боли начали появляться неделю назад. Но они быстро проходили. Точнее, это неделю назад они быстро проходили, а с каждым днем все дольше и дольше. Сейчас он опаздывал на работу, и успел позвонить своему ассистенту, предупредить, что задерживается. Когда боль успокоилась, он уехал на работу, но по дороге быстро заскочил к своему другу, Саше Булычёву, практикующим доктору общей практики и попросил его срочно

посмотреть. Тот не смотря на занятость, а Александр Эдуардович был популярным врачом, пригласил его на вечер, после работы. Дружба, она знаете, требует иногда и свободное время потратить на человека. При обследовании Сашка много окал, крутил головой и вздыхал, после чего попросил принести ему завтра мочу и взял кровь, как из вены, таки из пальца. И вот через три дня в доме Можейко зазвонил телефон и доктор Булычёв, сказал, что скоро приедет и поделится результатами. Голос его, правда, не вселял оптимизма.

– Чем огорчишь? – спросил Илья Иосифович, встречая гостя.

– Почему же сразу огорчишь, – попытался пошутить Александр Эдуардович, – вдруг наоборот порадуешь?

– С такой мордой как у тебя радовать не приходят...

– Рак, – каркнул доктор Булычёв.

Удар молнией меньше бы повлиял на Можейко, чем данное слово. Это был приговор. В те времена онкологические заболевания только открыли, о них теперь знали, но лечить еще не умели. Обычно такой приговор оканчивался смертью. Врачи, конечно, говорили, что это не так, что это можно выселить, даже ходили легенды про излечившихся. С медицинской инциденты выздоравливания никто не связывал. Кто-то рассказывал по большому секрету, что его дедушка, по рассуждениям его бабушки, тоже болел этой болезнью, и жить ему определили считанные месяцы. Но он пил по секретной рецептуре водку с маслом и прожил ещё десять лет. Кто-то,

говорят где-то, вылечился, принимая соду, а кому-то помогло мумие. Ну, и, конечно же, самым распространённым вариантом было причастие и покаяние, а так же каждодневные заказанные службы в церквях, также пожалована им же ответственность, а то и состояние. Но Илья Иосифович все же был врачом практикующим, хоть и стоматологом и знал, ни один такой случай чудесного исцеления не описан в медицинской литературе и даже не подтверждён. А вот смертей описано было много.

Если бы не язва желудка, он бы запил. Мозг понимал, что язва не успеет раньше рака и можно пить, но уже выработавшаяся привычка не давала. И вот с этим всем, на трезвую голову приходилось жить. А точнее умирать, так как спасения не предвиделось.

– Сорок восемь лет, – твердил он, смотря в стену, – слишком не большой возраст для смерти.

Первым же делом он вызвал нотариуса и написал завешание. Заказал себе гроб и купил небольшой участок на местном кладбище. Свой кабинет он отдал старшему сыну, тоже стоматологу, ранее ассистирующему Илье Иосифовичу, а сейчас, получается, продолжавшему дело ещё не покойного, но готовящегося к этому отца. Родственники стали бояться подходить к нему, так как разговоры на любую тему заканчивались всегда одним и тем же. Вам не понять, я скоро умру, а вы еще будете жить.

У человека отняли надежду, и это было страшно. Мы все

когда-нибудь умрем, люди это знают, но у всех есть надежда, что именно с ним этого не случиться. А вдруг к этому времени изобретут эликсир бессмертия? Все знают, что нет, но есть надежда. По крайней мере, есть надежда, что это случиться не сегодня, не в этом году, не в этом десятилетии. Но, увы, у Ильи Иосифовича эту надежду забрали. Ты умрешь и это факт, причем скоро. И на любой вопрос теперь был один и тот же ответ. Зачем тебе это, ты всё равно скоро умрешь!

Работать в стоматологии и зарабатывать деньги?

Зачем тебе это, ты всё равно скоро умрешь!

Любить жену и дарить ей счастье?

Зачем тебе это, ты всё равно скоро умрешь!

Стараться для детей?

Зачем тебе это, ты всё равно скоро умрешь!

Любое дело упиралось в этот ответ. Надежды на иное не было.

От Можайского отвернулись друзья. Нет, они так же его уважали и ценили, как и прежде, но общаться с человеком, который только и говорит, что о своей скорой кончине было тяжело. Сразу начинаешь чувствовать себя виноватым, что это случилось не с тобой. Сразу не хочется видеть, как человек мучается, а ты спокойно живешь и строишь планы на ближайший год.

И тут появился он. Нет, не так. И тут появился ОН.

В один из вечеров, когда все ужинали, а хозяин дома смотрел в стену и размышлял о будущей смерти, в дверь позво-

нили. Мадам Можейко собственноручно открыла дверь. На пороге стоял невысокий гость.

– Что вам угодно сударь? – поинтересовалась она.

– У меня деловое предложение к Илье Иосифовичу Можейко.

– Он не принимает гостей.

Глядя на гостя, женщина была уверена, что перед ней какой-то коммивояжёр, торгующий всякой разной ерундой. Слишком тот неряшливо выглядел этот персонаж. Небольшого роста, пузатенький, больше похожий на шарик с ножками и ручками, чем на человека, с большой плешивой головой, узкими, но европейскими глазами и большими мясными губами. Одет он был в пятый клетчатый костюм, а в руках имел потертый старенький портфель большого объёма. Ну, какое у него может быть дело к Илье Иосифовичу?

Инесса Викторовна хотела закрыть дверь, но что-то ей мешало. Мешала нога в туфле этого самого гостя, сунутая в проём.

– А вы доложите малейшему Илье Иосифовичу обо мне, дорогая Инесса Викторовна, я думаю, он будет рад встретиться с человеком, у которого есть лекарство от его недуга. Экспериментальное, но есть.

Что гость знал их с мужем по именам и отчествам, Инессу Викторовну не смутило, в любом городском справочнике была эта информация, любой мог посмотреть и запомнить.

– Вы изволите шутить? – глаза Инессы Викторовны на-

полнились гневом.

– Ни в коем случае, – помотал головой гость, – видите ли, я кандидат наук и заведующий кафедрой в Институте Толоконникова. Мы разработали экспериментальное средство, которое отлично себя показало на подопытных крысах и обезьянах, но чтоб оно пошло в серию нам нужно это доказать экспериментами на людях, вот мы и предлагаем смертельно больным пациентам поэкспериментировать с этим препаратом. Им уже ни чего не страшно и терять нечего, но в положительном случае, возможна ремиссия и даже, чем черт не шутит, полное выздоровление. Вот я и хочу предложить это вашему мужу Инесса Викторовна.

Человек говорил очень умные и правильные слова. Люди вообще склонны считать правильным и разумным любую соломинку, которую им протягивает во время беды. Жаль, что протягивают соломинки почти всегда мошенники.

– Проходите, – женщина выпустила гостя.

После его слов он уже не казался ей пятым коммивояжером, скорее наоборот, великим учёным принесли в её доме лучик надежды.

Илья Иосифович сидел в своём любимом кресле и смотрел на стену. Можно было бы смотреть в окно, там хоть что-то менялось со временем, но его ничего не интересовало. Он ждал конца. Терпеливо, молча, ждал своего конца. На столе стоял почти не тронутый завтрак. Когда открылась дверь, он на это не среагировал.

– Дорогой, к тебе посетитель.

Ответом послужило молчание.

У Инессы Викторовны слезы набежали на глаза и она, всхлипнув, покинула комнату, тихо закрыв за собой дверь.

– Здравствуйте милейший Илья Иосифович, – поздоровался гость, взял бесцеремонно один из стоящих в комнате стульев и уселся напротив хозяина дома, – Помираете?

Тон его был саркастическим, чуть ухмыляющимся.

– Бывает.

Хозяин дома перевёл грустные пустые глаза на посетителя.

– А я, знаете ли, пришёл предложить вам жизнь. Да-да, именно жизнь. Долгую и насыщенную. Вы отчаялись увидеть рождение внуков? Увидите. Вы хотите жить с женой долго и счастливо? Проживете. Вы сможете работать сами, а не смотреть, как это делает сын. Как вам такой вариант?

– Вы пришли издеваться над умирающим? – разлепив давно не открывавшиеся уста, приговорил Илья Иосифович, укоризненно смотря на собеседника.

Можейко не входил в высшее общество, но был основой среднего класса в этом городе. Средний класс обычно более рациональней высшего и прагматичный, чем низший, от этого, вот такие коммивояжеры вызывали в таких людях как Илья Иосифович только раздражение, ничего более. Хотя надо признаться, если положить руку на полый фибрино-мышечный орган, обеспечивающий посредством повтор-

ных ритмичных сокращений ток крови по кровеносным сосудам, больше половины среднего класса имели у истоков династий именно таких вольных торгашей.

– Я предлагаю вам жизнь! Долгую!

– И счастливую?

– А это как сами её сделаете.

– Я читал литературу на эту тему и там написано, что с моим диагнозом это невозможно.

– Если бы это было невозможно, я бы к вам не пришёл.

Вы верите в чудеса?

– Нет, – хриплым голосом, удивленный вопросом, ответил Можейко.

– Зря, придется поверить, – улыбнулся коммивояжер.

– Падите вон! – сухой палец показал на дверь.

– Ну, что же, – посетитель встал, точнее это было похоже на подпрыгивание со стула, – я хотел вам предложить жизнь, но вы решили это отвергнуть. Честь, так сказать имею, извольте откланяться.

Он театрально откланялся, поставил стул на место и направился к двери. И даже её открыл, но в последний момент обернулся. Илья Иосифович смотрел ему вслед.

– А скажите мне милостивый государь, – тон гостя стал другим, без заигрывания и веселья, да и тон чуть изменился, он стал стройнее, выше и теперь не вызывал желания посмеяться над этим человеком, – если вы все равно умираете, то почему бы не принять мое предложение? Вы же ровным

счетом ничего не теряете.

– Потому, что вы хотите сделать прибыль на моем горе...

– Прибыль? Кто вам такое сказал?

– Но ни ради меня же вы сюда пришли и не ради спасения моей души?

– А вот с этого момента можно и поговорить, – посетитель закрыл дверь, вернулся, взял стул и поставил его как прежде напротив хозяина, – я к вам именно по поводу души.

– Души?

– Именно.

– Зачем вам моя душа?

– Вы же медик уважаемый Илья Иосифович, вы, когда учились, посещали анатомические театры, изучали кости на скелетах, проводили первые операции на трупах?

– Операции не проводил, я стоматолог, но зубы на черепках изучал.

– Вот, и мне именно для этого нужна ваша душа, так сказать для душевного театра.

– Вы издеваетесь... ааа....

– Енох Каинович, к вашим услугам, – представился гость.

– Душа не материальна, какие к черту душевные театры?

– Ну, вот опять вы, люди, требуете представления, – вздохнул Енох Каинович, и выхватил из воздуха трубку, высекая из указательного пальца огонь, прикупил им, после чего выпустил изо рта дым в виде плывущего трехмачтового парусника. После чего трубка, огонь на пальце и корабль

пропали.

– Так понятнее будет?

– Вы хотите купить мою безгрешную душу?

– Ну, не такая она и безгрешная и, в конце концов, все равно попадет скоро ко мне, но нет, мне действительно нужны души в так называемый душевный театр, а за это я предлагаю вам излечить вашу болезнь и дать жизнь, почти вечную. И я уверяю вас, вы еще сможете как покачать своих внуков на руках, так и отвести их лично в школу.

Надежда засияла перед Можейко платиновым блеском. Жизнь не окончена? Он сможет жить и дальше? Что он теряет? Ничего. Если душа и так прибудет в распоряжение этого существа, то и вообще ничего не теряет.

– Нужно где-то ставить подпись кровью? Принести в жертву чёрного петуха?

– Ни в коем разе, – усмехнулся Енох Каинович, – достаточно просто устного согласия.

– Тогда я его даю.

– Отлично, – коммивояжёр встал со стула, – мене, текел, перес, да будет так, амэн. Если таки захотите умереть, просто признайтесь в этом самому себе.

И он тут же растворился в яркой огненной вспышке, а хозяин дома остался в своей комнате, где теперь стоял запах жженой серы.

– И вы излечились от рака? – спросил Иван.

– Я вам молодой человек больше скажу, излечился от всех

заболеваний.

– А потом?

– Потом я воспарил духом и стал жить, – продолжил рассказывать Илья Иосифович, – о, какие счастливые были эти годы. Мы действительно всей семьёй жили счастливо, я сначала качал на руках внуков, потом отводил их в детский сад, после я водил их в школу, я даже качал на руках правнуков....

Тут старик замер и посерел. Когда он снова открыл рот, голос стал дрожащим и иногда срывался на фальцет. Казалось, он плачет, но слез из глаз не капало.

– Потом я похоронил жену, потом детей, когда я похоронил внуков, я купил маленькую комнатку на цокольном этаже в другом районе и ушёл из семьи, чтоб больше не видеть родных и не привыкать к ним. Но одному жить... существовать, это уже не жизнь, очень скучно и тяжело, вот я и выхожу на улицу каждый день, и прихожу сюда, чтоб быть среди людей. Тут разговор послушаешь, там обрывок, так и новости узнаешь, все себя в центре жизни чувствуешь.

– И вы теперь до конца света будете так жить? – спросил Иван.

– Не знаю, он не сказал, – пожал плечами старик, – сказал, только, что если захочу уйти, нужно только захотеть этого.

– А вы не хотите?

– Мне страшно, – честно признался старик.

– Почему?

– Я уже когда-то потерял надежду, – попытался объяснить

Илья Иосифович, – и очень радовался, когда она снова появилась, сейчас я опять её теряю, но медленно, год за годом, но она ещё брезжит где-то на горизонте, вдруг через пару десятка лет он вернется и излечит и от этого меня.

– Вы сами-то верите в это?

– Нет, – сухо сказал старик, опустил голову и замолчал.

Иван посидел минут пять, но голова старика так и не поднялась. Он встал с лавочки, попрощался и пошел домой. И не увидел, как старик распрямылся, поднял голову, а в глазах горел свет решимости.

– Да будет так... – разнес ветер тихий шепот. – амэн.

Когда Иван отошёл на десяток шагов, он обернулся, но на лавочке больше никто не сидел.

– Наверное, ушёл, – подумал парень.

Но с тех пор никто никогда больше не видел старика на скамейке на Вокзальной площади. Призраков, приведений и других подозрительных личностей сколько угодно, это же Вертепск, тут этого, сколько душа захочет, но вот именно тот старик больше не показывался людям. Умер? Переехал? Кто же это знает....